

- Суриков, И.Е. Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта»). *ВДИ* 4, 23–43.
- Sykutris, J. 1928: *Der demosthenische Epitaphios*. *Hermes* 63, 1, 241–258.
- Tandy, D.W. 1997: *Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece*. Berkeley.
- Tatum, W.J. 2009: Roman Democracy? In: R.K. Balot (ed.), *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Oxford, 214–228.
- Wallace, R.W. 1989: *The Areopagos Council, to 307 B.C.* Baltimore.

Alexander V. Makhlayuk

Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod, Russia
makhl@imomi.unn.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for
Humanities (14-21-20003)

А.В. Махлаюк,

доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории
древнего мира и классических языков
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Igor E. Surikov

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

isurikov@mail.ru

И.Е. Суриков,

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
76/2 (2016), 489–496
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/2 (2016), 489–496
© Автор(ы) 2016

СУЛЛА И ЗРЕЛИЩА (Из новой литературы)

В последние годы не иссякает поток литературы, посвященной жизни и деятельности Луция Корнелия Суллы. В ней несколько чаще, чем прежде, стало уделяться внимание такому важному аспекту его деятельности, как зрелища, которые, в свою очередь, играли куда большую роль в жизни людей того времени, нежели современных.

В 2002 г. в журнале «Historia» была напечатана статья Дж.С. Сьюми «Зрелища и общественный имидж Суллы»¹. Последний, как отмечает автор, «концептуализировал выгоды от своей победы и связывал их с римским народом с помощью разного рода символов (*tableau of symbols*), которые основывались на его саморепрезентации» (с. 414). Важнейшую роль в пропаганде Суллы занимали *felicitas*, *Salus rerum*, *concordia*, а ее важнейшим средством были зрелища – триумф, игры, пиры, наконец, церемония погребения Суллы.

Felicitas – важнейшая «добродетель» полководца, ибо она – свидетельство благосклонности богов. Но существовала также трактовка слова *felix* как «плодородный», «изобильный». «Как *arbor felix* может принести щедрый урожай, так же и Сулла *Felix* способен обеспечить материальное изобилие и процветание римского мира» (с. 416).

Зрелища, связанные с победой Суллы, демонстрируют то, как он преподносил эти идеи римскому народу. В данном смысле весьма показателен его триумф, состоявшийся в январе 81 г. до н.э. Он продолжался два дня и состоял из двух разных *rompae*, что имело место во времена торжеств Тита Фламинина и Эмилия Павла, а для той поры было и вовсе редкостью, параллелью может служить разве что двойной триумф Мария над кимврами и тевтонами. Сулла же праздновал победу над 1) Митридатом VI и 2) самнитами и Марием Младшим, т.е. один день – для прославления побед в Греции, второй – в Италии. (Такая «множественность», по мнению автора, послужила образцом

¹ Sumi 2002, 414–432.

для триумфов Помпея в 61 г., Цезаря в 46 г., Октавиана в 29 г.). Показанные в обеих процессиях богатства должны были стать свидетельством процветания Рима и его Доброй Фортуны при Сулле, но не только: подразумевалось, что Марий Младший часть этих богатств похитил из римских храмов и увез в Пренесту, а Сулла вернул богам, доказывая тем свою *pietas*.

Демонстрации изобилия, естественно, должны были служить общественные пиры, когда излишки выбрасывались в Тибр, и посвящение десятины от добычи Геркулесу (обычная практика триумфаторов). Идея процветания Рима нашла отражение и в церемонии похорон Суллы, сценарий которых он по обыкновению составил сам. У Аппиана они вообще похожи на триумф (что, заметим, неудивительно). Александрийский автор делает акцент на показе богатств покойного диктатора и соответственно процветании сулланского режима. Новацией стала «выставка» благовоний – ладана и кинаммона, в чем усматривается параллель с процессией в честь Диониса, устроенной Птолемеем II. Это являлось символом завоевания Востока и процветания, а использование кинаммона, по мысли автора, могло намекать на обожествление почившего (но, заметим, могло и не намекать).

С идеями изобилия и процветания тесно связан и образ Суллы – спасителя (*salus rerum*: Lucan. Phars. II. 221). Правда, «спасение» было связано с победой в гражданской войне, и чтобы не афишировать это, во время триумфа несли изображения городов Греции и Азии, но не Италии. Однако своих личных врагов диктатор врагами государства изображать, несмотря на нежелательный контекст, не гнушался, ибо это укрепляло его образ спасителя государства; в триумфальной процессии не делалось различия между богатствами, захваченными у Митридата и Мария Младшего². Идеи спасения и процветания присутствовали и в отношениях Суллы с греческими городами, в особенности Азии, наглядное свидетельство чему – посольства в Рим из Стратоникеи и Фасоса и соответствующие *senatus consulta*.

Немалую роль в пропаганде Суллы занимала и *concordia*, преподносившаяся как результат его конституционных реформ. Важнейший ее символ – расширение померия, которое напоминало о победах диктатора. Но не они, как предполагает Сьюми, послужили основанием для этого (обычно считается, что право на данную процедуру давало увеличение территории государства). Клавдий, Веспасиан и Тит расширяли померий во время цензуры, – то же, в сущности, можно сказать и о Сулле, который хотя и не занимал должности цензора, но выполнял его функции *de facto*. Идея *concordia* угадывается и в процедуре похорон Суллы, когда вместе шли сенаторы, всадники, воины, плебеи, было пронесено 6000 *imagines*, при этом демонстрировалась ведущая роль сенатской аристократии. Шествие *patres* автор сравнивает с процессией на *Ara pacis*, где сенат также занимает видное, но уже не ведущее место. «Режим Суллы, обещавший процветание, спасение и гражданскую гармонию, основывался на главенстве сената, [режим] Августа – на главенстве принцепса. В обоих случаях эти процессии являли единодушие и *concordia* и имели целью устранить последние сомнения в том, что гражданские войны более не угрожают» (с. 431).

Сулла, резюмирует Сьюми, первым из римских политиков стал серьезно работать над своим имиджем. Затем это уже делали Помпей, Цезарь, Клодий, Октавиан. Огромную роль в этом играли зрелища, и первый принцепс лишний раз доказал это, взяв их под контроль.

Немало места рассматриваемой тематике уделил в своей диссертации А. Тейн³. Он подробно останавливается на *Ludi Victoriae Sullanae*⁴, введенные, по его мнению, в 81 г. до н.э. Под таким названием, полагает автор, они стали известны после учреждения аналогичных игр Цезарем в 48 г. до н.э. после Фарсала. «Сулланские *Ludi Victoriae* были праздником победы римского народа и *remedium* от болезней гражданской смуты, ежегодным подтверждением того, что настал новый век гражданского согласия» – это среди прочего подчеркивалось и тем обстоятельством, что и празднества (заметим: за исключением триумфа) начали проводиться лишь после окончания проскрипций (с. 142). В то же время не исключено, что диктатор праздновал эту победу как личную. Тейн сравнивает *Ludi Victoriae* с играми в честь ойкистов в греческих городах, отмечая, однако, отсутствие в случае Суллы культа, который учреждался после смерти ойкиста. Разумеется, автор обращает внимание на учрежденные в Афинах Суллеи (*Sulleia*), справлявшиеся в честь освобождения города от тирании Афиниона и Аристиона (явная параллель с Гармодием и Аристокитоном). Впрочем, имелась и другая причина для чествования Суллы – он возвратил городу Имброс, Скирос и Делос. Так или иначе, это была уже укоренившаяся в эллинском мире традиция – достаточно вспомнить Марцеллии, проводившиеся в Сиракузах в честь их покорителя (с. 161, прим. 195). (То, что Суллеи были учреждены в честь свержения тирании, – спорно, тем более что к ликвидации режима Афиниона Сулла отношения и вовсе не имел.)

² Довольно странное утверждение – достаточно сказать, что добычу, взятую у Митридата и Мария, несли в разные дни.

³ Thein 2002, 126–130, 138–143, 315–325, etc.

⁴ Полное название приводит Веллей Патеркул (II. 27. 6; Thein 2002, 138).

Тейн также усматривает параллель Суллеем и *Ludi Victoriae* в играх в честь бога-целителя Амфиарая⁵, на которых после дарования Суллой святилищу Амфиарая и городу Оропу свободы стали celebrated *Victoria* и *Imperium* римского народа. Сочетание идей исцеления и победы нашло отражение во время игр, проведенных будущим диктатором в Фивах после битвы при Херонее в 86 г., когда он велел соорудить сцену у Эдипова источника, названного так потому, что в нем, по преданию, Эдип омыл руки, когда убил Лая. И тут опять-таки автор указывает на сходство с *Ludi Victoriae*, а также *Ludi Apollinares* – их учредителем, как известно, был один из предков Суллы, претор 212 г. до н.э. По изложенной Макробием версии⁶, их стали справлять после эпидемии чумы в благодарность Аполлону – очевидно, Аполлону Врачу, которому, по преданию (*Liv. IV. 25. 3*), в незапамятные времена был посвящен храм *pro valetudine populi* (с. 138–142).

Однако в рамках идеи исцеления Тейн рассматривает не только игры, но и проскрипции. По его мнению, при них сохранялась тесная связь между смертью и сакральным началом, которая отсутствовала в проскрипциях второго триумvirата. «Это был ритуал, празднество с суровым смыслом драмы и трагедии» (с. 126). Весьма показательна в данном отношении резня, учиненная на *Villa publica* и совпавшая с началом речи Суллы в храме Беллоны. Яркой иллюстрацией сакральности казней стала расправа с Марком Марием Гратидианом, которого первым прогнали через Город, а затем привели на Яникул, где среди прочих Лутациев был похоронен отец соратника Суллы консул 102 г. до н.э. Кв. Лутаций Катул – его Гратидиан вызвал в суд, после чего тот покончил с собой. Здесь и состоялась исключительная по своей жестокости ритуальная казнь, в которой автор усматривает антитезу почетной смерти. Тейн напоминает, что за свой эдикт 85 г. до н.э., упорядочивший денежное обращение, Гратидиан почитался согражданами: в его честь возжигали ладан, ему ставили статуи, ныне низвергнутые сулланцами. «Сакральный характер казни Гратидиана представлял собой отрицание его полубожественного статуса народного спасителя и героя» (с. 127). Кульминацией казни стало принесение Сулле головы замученного Катилиной, который омыл после этого руки в кропильнице⁷ (стоит заметить, близ храма Аполлона). Вслед за этим голова Марка Мария, равно как и других врагов Суллы (Г. Цензорина, Л. Брута Дамасиппа и др.) была отослана к стенам Пренесты, чтобы стать устрашающим зрелищем для ее защитников. Пронесли головы убитых и в Риме, чтобы затем выставить их на рострах на всеобщее обозрение.

«Театральность являлась неотъемлемой чертой сакральности смерти, но столь же существенно было и то, чтобы эмоции зрителей не противоречили сценарию» казней («но» здесь представляется неуместным, ибо в театре они важны в равной степени). В противном случае палачи могли превратиться в глазах публики в преступников, как то случилось в 28 г. н.э. после казни Тита Сабина, со смертью которого не хотела смириться его собака⁸. Однако далее автор не развивает эту тему применительно к сулланским проскрипциям и указывает, что элементы сакрального имели место еще во время расправ, учиненных Марием и Цинной, с чем спорить не приходится (казнь Кв. Анхария на Капитолии, низвержение С. Лициния с Тарпейской скалы, ритуальное самоубийство Л. Корнелия Мерулы) (с. 128–129)⁹. Между тем стоило бы обратить внимание на то, что источники не сообщают о случаях сочувствия толпы жертвам террора, и связано это, думается, не только с их скудостью.

И, наконец, погребение Суллы. Тейн рассматривает его в одном ряду с похоронами Фабия Максима Кунктатора, с которым прощались как с «отцом народа» (*ὡς πατέρα τοῦ δήμου*), и даже простые римляне в знак уважения к нему несли хотя бы небольшие пожертвования на траурную церемонию (*Plut. Fab. 27.4*). В погребении же Суллы государство приняло куда большее участие, чем то имело место во время самых пышных похорон кого-либо из нобилей, и эти похороны, как уже отмечалось в предшествующей литературе, послужили образцом для погребений императоров в эпоху принципата.

⁵ Образу Суллы-целителя (пусть и сурового) Тейн посвящает отдельную главу (Thein 2002, 115–161).

⁶ Самим Макробием, кстати сказать, не разделяемой (*Sat. I. 17. 25, 27*).

⁷ *Plut. Sulla. 32. 4*. К слову сказать, о Катилине Тейн в связи с омовением рук не упоминает.

⁸ Отметим, что собакой самого Сабина ее считает Дион Кассий (*LVIII. 1. 3*), тогда как у Плиния Старшего речь идет о собаке одного из рабов Сабина (*VIII. 145*). При этом прямо не сказано, что зрители стали жалеть о казненных, Дион Кассий пишет лишь о том, что из-за поведения собаки, которая даже бросилась за телом хозяина в Тибр, расправа вызвала у толпы еще больший ужас.

⁹ К этому стоит добавить убийство консула Гнея Октавия Цензорином и его людьми: Октавий сидел на Яникуле в курульном кресле облаченный в парадное одеяние и ждал убийц (*App. BC. I. 71. 328*) – прямая аналогия с ритуальным самопожертвованием старейших сенаторов во время взятия Рима галлами. Высказывалось даже смелое, хотя и весьма спорное предположение, что поведение Октавия стало образцом для описания гибели *patres* в 390/387 г. до н.э. (*Hirschfeld 1913, 272*), но в любом случае ритуальный (и зрелищный) характер гибели консула сомнений не вызывает.

«*Funus publicum* Суллы являло собой отголосок триумфальной процессии и интерпретируется как прощальный знак почтения к *Victoria Sullana*». Напоминанием о ней служило множество золотых венков, пронесенных в процессии. Присутствовали сенаторы, жрецы и жрицы, магистраты со всеми инсигниями¹⁰, множество всадников, все легионы Суллы (sic! – «all Sulla's legions»)¹¹, матроны, которых, возможно возглавляла вдова почившего Валерия. Среди *imagines*, как предполагает автор, несли маски не только предков Суллы, но и его родственников – Метеллов, Валериев, Помпеев, Эмилиев Скавров, Нониев. Речь вместо слишком еще юного сына Фавста произносил, вероятно, Гортензий, родственник Суллы по его последней жене. В то же время, отмечает Тейн, «Фавст и Фавста, несомненно, играли особую роль на похоронах своего отца», хотя и не конкретизирует, какую именно.

«Похороны Суллы отражали его взаимосвязь с официальными институтами римского государства, что олицетворялось присутствием магистратов, сената, жрецов и жриц, всадников, народа и ветеранов. Корнелиевы законы создали модель конституции на бумаге, на основе которой гражданство и государственные институты Рима процветали и крепились. На что это было похоже на практике, показывали похороны Суллы. Это являло дань [уважения] Сулле-диктатору не меньше, чем Сулле-императору» (с. 316–319).

Значительное место отведено анализируемой тематике в интересной монографии Ф. Сантанджело «Сулла, элиты и империя», о которой нам уже приходилось писать¹². Вопрос о роли зрелищ в формировании имиджа Суллы изучается исследователем в контексте его наблюдений над образом диктатора как нового основателя Рима. Рассмотрим последовательность событий в изложении автора.

После победы над Митридатом в Афинах Сулле оказали немалые почести. В городе была воздвигнута его статуя и, что еще более важно, учреждены общественные игры в его честь – *Sylleia*. С точки зрения автора, они стали проводиться еще при жизни Суллы и, очевидно, продолжались какое-то время и после его смерти. Во всяком случае, игры почти наверняка происходили в 79/78 г. до н.э. при архонте Аполлодоре и вряд ли были отменены до наместничества в Македонии примерно в 75–72 гг. до н.э. видного сулланца, консула 76 г. до н.э. Г. Скрибония Куриона, сыгравшего важную роль в отвоевании Афин (с. 215). Суллеи не были уникальным явлением – налицо их поразительное сходство с *Theseia*, играми в честь мифического основателя города: в обоих случаях происходило состязание эфэбов в беге с факелами. Поэтому есть основания полагать, что Суллеи праздновались вместе с *Theseia*, во многом воспроизводя их ритуал.

Афинское празднество имеет важную параллель в Риме: они поразительно похожи на *Ludi Victoriae Sullanae*. Эти игры были частью кампании Суллы по самопрославлению, которая имела целью изобразить его как спасителя и второго основателя Рима. Диктатура и мероприятия, подобные увеличению численности сената, наверняка обретали легитимность благодаря параллели с Ромулом, которая, как кажется, повлияла и на антикварную традицию о раннем Риме¹³. «Переименовывая в честь Суллы *Theseia* в *Sylleia*, афиняне показали, что они осведомлены о том образе, который старался навязать Сулла, и они избрали ту же стратегию, которую он применял в Риме... Аналогия между Тесеем и Ромулом должна была быть очевидной каждому, и афиняне смогли использовать ее наиболее простым образом, опираясь на их сходство и восстановив традиционный календарь сразу же после того, как Сулла сошел со сцены, а его наследие стало предметом раздоров в Риме» (с. 216–217).

Пропагандистская кампания Суллы затронула и Олимпийские игры, участников которых он в 80 г. до н.э. собрал в Риме, так что в самой Олимпии оказалось возможным провести только состязания колесниц. Он не намеревался изменять место проведения Олимпийских игр, но скорее желал предоставить римскому народу грандиозные торжества в честь своей победы. Для лучших атлетов греческого мира просто оказалось невозможным участвовать и в других играх, и посему Олимпийские игры потерпели фиаско. Эта история наряду с перевозкой в Рим колонн недостроенного афинского

¹⁰ Здесь автор проводит параллель со встречами в Луке – по-видимому, не очень корректную, ибо, во-первых, это было мероприятие совсем иного рода, а во-вторых, данные Плутарха (*Caes.* 21.5) о 200 сенаторах и 120 ликторах в Луке, вполне вероятно, являются преувеличением (см. Smykov 2010, 91, прим. 8, с литературой), не говоря уже о том, что даже в этом случае на похоронах Суллы сенаторов было примерно в три раза больше.

¹¹ Не вполне удачное толкование пассажа Аппиана (*BC.* I. 106. 498: ὁ στρατός ἐν μέρὶ πᾶς, ὅσος ὑπεστράτευτο αὐτῷ), который вряд ли стоит понимать буквально.

¹² Santangelo 2007. Разбор монографии см. Korolenkov, Smykov 2011, 194–199, однако в силу тематики обзора, посвященного отношениям Суллы и элит, вопрос о зрелищах в нем не рассматривался.

¹³ Попутно отметим, что в данном случае Сантанджело дает довольно странную ссылку – сразу на 24 главы Дионисия Галикарнасского (II. 7–29; V. 77) и статью Э. Габбы. Не отрицая самой аналогии, которая могла проводиться между Суллой и Ромулом, все-таки отметим, что эта конструкция всецело принадлежит современному исследователю, – Дионисий упоминает Суллу в своем труде всего дважды, причем оба раза в отрицательном контексте (V. 77. 4–5; VIII. 80. 2).

Олимпейона и учреждением Sylleia в Афинах, по мнению Сантанджело, являлась частью более широкого процесса, направленного на утверждение Рима в качестве центра империи, в которую необратимо интегрировался греческий мир. «Перенесение фрагментов святилища Зевса Олимпийского означало гораздо большее, нежели просто вклад в [развитие] римской архитектуры: это представляло собой шаг в переосмыслении [роли] Рима как центра греко-римского мира» (с. 218)¹⁴.

Из всего этого автор заключает следующее. Истории подобные той, что произошла с Sylleia, ясно указывают на конечный успех политики Суллы на греческом Востоке. После того как он выиграл войну и продемонстрировал мощь Рима и всю силу его мщения, греческим элитам пришлось признать римское правление и принять активное участие в реорганизации империи. Именно Сулла своими систематическими репрессиями по отношению к осмелившимся отложиться от Рима и покровительством гражданской автономии в рамках римского управления проложил путь для появления проримски настроенной греческой элиты, которая быстро обучилась тому, как следует взаимодействовать с римскими властями.

Такова схема, нарисованная Сантанджело. Безусловно, она не лишена интереса, и обращение к столь сложным сюжетам политической пропаганды в античности можно только приветствовать. Безусловно и то, что выводы подобных исследований всегда останутся гипотетическими, и поэтому аргументация играет здесь принципиально важную роль. Как оценивать в этом смысле построения ученого? Начнем с наиболее общих соображений. Автор исходит из того, что Сулла стремился провести сознательную аналогию между собой и Ромулом. Мысль о подражании Суллы Ромулу не нова¹⁵, но прямых данных на сей счет источники не содержат. Единственный случай, когда два названных имени оказываются рядом, — это цитируемая автором речь Лепида из «Истории» Саллюстия¹⁶. Но произносил ли Лепид такие слова в действительности и принадлежит ли эта саркастическая характеристика времени жизни Суллы? Использование образа Ромула в антиираническом контексте было популярным в последние десятилетия Римской республики¹⁷, поэтому есть основания полагать, что это не пример использования враждебной пропагандой принятого Суллой образа (именно так трактует это сравнение Сантанджело — с. 216), а авторский литературный прием.

Но если вопрос о реальности сопоставления Суллы с Ромулом остается открытым, сомнительным оказывается и другое авторское утверждение — о том, что греки приняли ту же самую стратегию. Он рассуждает так, словно нам прекрасно известны история и программа афинского праздника в честь Суллы, что совсем не так. Все наши знания основываются на двух надписях с беглым упоминанием этого празднества, и судить о том, насколько его программа совпадала или нет с праздником в честь Тесея, вряд ли возможно. И уж совсем необоснованно выглядит утверждение о переименовании старого праздника в Суллеи — для него в источниках нет никаких оснований¹⁸. К тому же автор закрывает глаза на некоторые хронологические проблемы. Так, для надписи IG II² 1039 он безоговорочно принимает дату 79/78 г. до н.э. При этом он не оговаривает, что имеются и более поздние ее датировки, вплоть до 65/64 или даже 64/63 г. до н.э. — не знать об этом Сантанджело просто не может, поскольку ссылается в данном случае на монографию Р. Кэллет-Маркса, где как раз на указанных им страницах вопрос о датировке рассматривается достаточно подробно¹⁹.

¹⁴ Любопытно, что Тейн, упоминая о перемещении колонн Олимпейона в Рим, не склонен делать столь серьезные выводы (см. Thein 2002, 232–233) — оснований для них, думается, недостаточно.

¹⁵ См., например, Ihne 1879, 438, Anm. 5. Мы также в свое время несколько поспешно солидаризовались с этой идеей: Korolenkov, Smykov 2007, 332.

¹⁶ Sall. *Hist.* I. 55. 5 Maur. = I. 48. 5 McG: scaevos iste Romulus.

¹⁷ По словам Плутарха, в 67 г. один из консулов сказал, что если Помпей желает подражать Ромулу, то ему не избежать участи последнего (*Pomp.* 25.4); Цицерон 17 мая 45 г. писал Аттику, что предпочитает, чтобы Цезарь жил в одном храме с Квирином, а не с благоденствием (*Att.* XII. 45. 3), явно намекая тем самым на традицию об убийстве первого царя; согласно Аппиану, убийцы Цезаря сознательно избрали курию как место, которое должно напомнить о том, как погиб наказанный за тиранические действия Ромул (*BC.* II. 114. 476–477). Пусть даже все эти примеры восходят к традиции, созданной популярными (Rosenberg 1914, 1098), важен уже сам факт ее существования. Не потому ли и Октавиан в дальнейшем отказался от сомнительной в данном контексте чести принять имя Ромула (см. Mezheritsky 1994, 178–181, со ссылками на источники и литературу)?

¹⁸ Это предположение сделал в свое время Э. Раубичек (1951, 49–57), и с тех пор оно уже почти обрело статус непреложного факта. Об этом переименовании пишет и А. Кивни, ссылаясь при этом на монографию К. Хабихта (Keaveney 2005b, 105). Однако Хабиخت ничего не говорит о переименовании праздников, он просто констатирует факт установления праздника в честь Суллы (Habicht 1997, 311).

¹⁹ Kallet-Marx 1995, 214–215.

Естественно, что при столь скудной источниковой базе и с учетом дискуссионности принципиально важных вопросов говорить о сколько-нибудь надежных выводах не приходится. Но есть и еще одна очень важная сторона вопроса. Как мы постарались показать, построения Сантанджело основываются на довольно сомнительной аргументации, но формулируются весьма категорично. Вместе с тем то, что его по каким-либо причинам не устраивает, отводится как недостоверное, благо многообразие мнений в современной историографии позволяет подкрепить ссылками практически любую точку зрения. Присмотримся внимательнее к самой идее «второго основателя Рима». В источниках по отношению к Сулле это сочетание не встречается, но мы знаем, что это почетное прозвище римская традиция связывала с М. Фурием Камиллом. Однако Камилл не упоминается нашим автором вообще. Пусть так, тем более что еще Ф. Мюнцер предполагал, что история о его прозвище позднего происхождения и возникла именно на основе аналогии с Суллой и его преобразованиями²⁰. Но традиция знает и третьего «основателя Рима» – Мария (Plut. Mar. 27.9). Это прямое указание Плутарха автор, ссылаясь на статью Ф. Муччоли, отвергает: по его мнению, оно «не является надежным свидетельством» того, что Мария приветствовали как «третьего основателя» Рима (с. 216, прим. 8). Проблема здесь даже не в том, надежно или нет это сообщение Плутарха, а в произвольности выбора источника, которому можно или нельзя доверять. Конечно, свидетельство Плутарха может быть плодом литературного творчества, – но с той же вероятностью таким плодом мы вправе считать соотнесение Суллы с Ромулом у Саллюстия. Конечно, кто-то и когда-то мог назвать «новым основателем Рима» и Мария, и Суллу, могли эти понятия употребить и в ироническом контексте²¹. Но у нас нет бесспорных доказательств, что образ Ромула как-то вписывался в те мероприятия, которыми Сулла утверждал свой имидж. А посему Сантанджело, безусловно, прав, подчеркивая значение массовых мероприятий в деятельности Суллы после победы; но вот исследование идеологической стороны этих мероприятий во многом остается делом будущего.

В статья «Сулла и Геркулесовы игры» А. Кивни полемизирует с Т. Уайзменом²². По мнению последнего, культ Геракла/Геркулеса заинтересовал Суллу в Кампании, где он воевал в 89 г., а затем в 83 г. до н.э. Кивни указывает, что еще в 151 г. один из предков диктатора чеканил на монете изображение Геркулеса. Что же касается посвящения ему Суллой десятины, то речь скорее всего шла об исполнении обета, данного, вероятно, при отправлении на войну с Митридатом. Уайзмен считает, что *Ludi Victoriae* праздновались в честь битвы при Коллинских воротах, которую можно было представить как победу над внешним врагом. А если Геркулесовы игры ассоциировались с гражданской войной или с победой над союзниками, которые в 89 г. до н.э. получили гражданство, то можно представить, сколь враждебно воспринимали в начале 60-х годов до н.э. трибуны празднества в их честь. Поэтому они были изъяты из ведения эдилов и позднее справлялись на местном уровне. Однако, как указывает Кивни, во время триумфа Сулла не скрывал, что речь идет о победе над циннанцами, и вообще не делил врагов на «внешних» и «внутренних». Не было ничего удивительного и в праздновании победы в гражданской войне – *Ludi Victoriae* до конца Республики проходили в Пренесте, одном из последних оплотов марианцев, так что сомнений в характере мероприятия нет. Не подтверждают источники и роли трибунов в понижении статуса игр в дальнейшем. В целом мы не возражаем против такой трактовки; что же касается интерпретации триумфа Суллы, то о нем теперь и пойдет речь.

В 2009 г. увидела свет монография И. Йостенберга о римском триумфе. Уделено в ней место и победным торжествам Суллы. Как отмечает автор, «для зрителей ценность монет и слитков, которые им показывали в триумфальных процессиях, не была ясна благодаря одной лишь их демонстрации. Требовались текстовые пояснения». Поэтому во время триумфов Лукулла и Помпея несли нечто вроде плакатов (*δελτοί* – Plut. Luc. 37.6), на которых указывались размеры богатств показанных в ходе торжеств. Согласно Плинию Старшему (*NH.* XXXIII. 16), во время триумфа Суллы зрителям представили *titulus*, согласно которому во время торжеств было пронесено 14 000 фунтов золота и 6000 фунтов серебра из Пренесты, захваченных у Мария Младшего, который увез их с собой из храма Юпитера Капитолийского и других святилищ. Таким образом, триумф служил Сулле средством для того, чтобы показать: сокровища возвращаются на свое законное место – на Капитолийский холм. Все это произошло на второй день празднеств, тогда как в первый демонстрировались военные трофеи – 15 000 фунтов золота и 115 000 фунтов серебра²³ (с. 68–69).

²⁰ Münzer 1910, 338–339.

²¹ Кстати, ассоциация с одним и тем же персонажем неизбежно ставила и вопрос о том, кто ответствен за него в большей степени. Не случайно Октавиан в дальнейшем не только отказался от имени Ромула (каким «основателем Рима» он стал бы в этом случае? четвертым? пятым?), но и благосклонно относился к идее о том, что лично он стоит выше Ромула, пусть даже эта идея не вошла в его официальную пропаганду (см. Mezheritsky 1994, 180).

²² Keaveney 2005a, 217–223; Wiseman 2000, 108–114.

²³ Östenberg 2009, 68–69. В нашей книге о Сулле мы по недосмотру указали неверную цифру в 50 000 фунтов серебра (Korolenkov, Smykov 2007, 330).

Йостенберг приводит высказывание Флора о том, что в триумфах Цезаря не несли изображений Фарсала, Тапса, Мунды, меж тем как победы, одержанные близ этих городов, были куда значительнее тех успехов, о которых объявлялось во время торжеств (Flor. IV. 2. 89). Демонстрация же *imago* Массалии вызвало, если верить Цицерону, скорбь римского народа, ибо это был старый союзник Рима (Phil. VIII. 18; Off. II. 28). Столь же деликатной оказалась ситуация и при триумфе Суллы. Согласно Валерию Максиму (II. 8. 7), во время процессии демонстрировались изображения городов Греции и Азии, но не *oppida civium Romanorum*. При этом важную роль играла Пренеста, при взятии которой Сулла пощадил римских граждан²⁴, подвергнув экзекуции захваченных в плен самнитов и самих пренестинцев. И хотя ее *imago*, конечно, в триумфе не несли, демонстрация захваченных в ней сокровищ из Рима сама по себе уже выглядела красноречиво (с. 212–213).

Здесь, однако, необходимо оговорить одно важное обстоятельство. Автор сама признает, что Сулла стремился не афишировать факт своей победы над согражданами; как известно, даже в конце II в. н.э. Септимий Север не считал возможным праздновать триумф после победы над Песценнием Нигром и Клодием Альбином (Hdn. III. 9. 1). Между тем, давая понять, что на второй день проносили золото и серебро, доставленные из Пренесты, Сулла слишком откровенно намекал бы на то, что справляет победу над согражданами. Конечно, не лишенный склонности к эксцентризму диктатор мог позволить себе многое, но Плиний ничего не пишет о том, чтобы *titulus* содержал сведения, откуда сокровища, которые демонстрировались римлянам на второй день триумфа. Поэтому тезис о важной роли Пренесты во время торжеств остается недоказанным, равно как и то, что Сулла без обиняков давал понять, что празднует победу над согражданами, в чем, как мы видели, уверены многие ученые.

Затрагивается интересующая нас тематика и в диссертации Ф. Ноубл «Суллы и боги. Религия, политика и пропаганда в “Автобиографии” Суллы»²⁵. Особое внимание обращено в ней эпизоду с играми во время претуры Суллы в 97 г., которые резонно отождествляют с *ludi Apollinares* (их организация входила в обязанности городского претора)²⁶. Автор подробно останавливается на соответствующем пассаже Плутарха (Sulla. 5. 1–5), где говорится о неудачной попытке Суллы стать претором – диктатор позднее объяснял ее желанием народа добиться от него травли диких животных африканских зверей, которых мог бы прислать его друг, мавретанский царь Бокх. Во время его претуры это и было сделано, о чем уже сообщают иные источники (Sen. Brev. 132.6; Plin. NH. VIII. 20). Плутарх же лишь пишет, что во время претуры Сулла «лестью и подкупом» расположил к себе народ, за что Цезарь (Страбон?)²⁷ обвинил его в том, будто он купил свою претуру. Ноубл интересуется различными аспектами этого эпизода. Она отмечает, что для Суллы было важно снять с себя ответственность за опасный для его репутации провал на преторских выборах, что, возможно, и побудило мемуариста прибегнуть к ссылке на ожидания народа, знавшего о его дружбе с Бокхом и желавшего проведения игр с африканскими животными, каковые Сулла в год претуры и устроил. Автора занимает вопрос о том, дали ли он эти игры с целью оправдаться за провал при первых выборах в преторы или же это объяснение появилось значительно позднее, имела ли хождение данная история во время *repulsae* Суллы или она возникла лишь в его автобиографии (нам бесспорным представляется второе – ведь ничто не мешало пообещать плебсу провести игры с участием африканских зверей во время претуры). «Возможно также, что это было связано с попыткой Суллы выстроить связь между собой и своим предком П. Корнелием Руфом Сивиллой, сыгравшим важную роль в учреждении *Ludi Apollinares*, в ходе которых среди прочего проводилась и травля львов» (с. 77, прим. 20).

Обращает внимание Ноубл и на то, что в рассказе об играх сочетаются традиции разной направленности – мемуары диктатора, с одной стороны, и враждебные ему источники, с другой, откуда и появился анекдот о Цезаре, который, по мнению Ноубл, утверждал, будто Сулла «купил» свою претуру именно с помощью Аполлоновых игр. Однако такая трактовка вызывает сомнения, поскольку в источниках ни о чем подобном не сказано; если бы будущий диктатор и впрямь воздействовал на избирателей обещанием игр с участием экзотических зверей, то источник Плутарха наверняка об этом упомянул бы к вящей невыгоде Суллы, ибо получилось бы, что он, за отказ в таком зрелище поплатившийся преторской должностью, на сей раз пошел на поводу у толпы. Тем самым нет оснований говорить о сочетании разных традиций в рамках одного эпизода, коль скоро эпизоды здесь явно разные – проведение игр и ссора с Цезарем.

Как можно заключить из сказанного, изучение темы зрелищ в политике Суллы продвигается непросто. Интересными и плодотворными представляются рассмотрение под указанным ракурсом проскрипций, анализ влияния триумфа Суллы на победные торжества последующих десятилетий,

²⁴ За исключением, заметим, марианских командиров (см. App. BC. I. 94. 436).

²⁵ Noble 2014, 33, 51–52, 68, 76–77, 198.

²⁶ См., например, Hinard 1997, 60–61; Bertinelli, 1997, 311; Keaveney 2005b, 30.

²⁷ О вариантах идентификации см. Bertinelli, 1997, 311.

многие частные наблюдения. В то же время отсутствие новых источников при обилии их трактовок побуждает ученых к причудливым интеллектуальным конструкциям. Надеемся, однако, что мода на спекулятивные суждения не вытеснит подлинное исследование.

Литература / References

- Bertinelli, M.G.A., 1997: Introduzione, commento alla biografia di Silla. In: *Plutarco. Le Vite di Lisandro e di Silla*. Milano, XXI–XXXVII, 289–418.
- Habicht, Ch. *Athens from Alexander to Antony*. Cambridge (Mass.)–London, 1997.
- Hinard, F. 1997: *Sulla*. Rostov-na-Donu.
- Инар, Ф. Сулла. Ростов-на-Дону.
- Hirschfeld, O. 1913: *Kleine Schriften*. Berlin.
- Ihne, W. 1879: *Römische Geschichte*. Bd. V. Leipzig.
- Kallet-Marx, R.M. 1995: *Hegemony to Empire: The Development of the Roman Empire in the East from 148 to 62 B.C.* Berkeley.
- Keaveney, A. 2005a: Sulla and the Games of Hercules. *L'Antiquité Classique* 74, 217–223.
- Keaveney, A. 2005b: *Sulla: the Last Republican*. London–New York.
- Korolenkov, A.V., Smykov, Ye.V. 2007: *Sulla* [Sulla]. Moscow.
- Короленков, А.В., Смыков, Е.В. Сулла. М.
- Korolenkov, A.V., Smykov, Ye.V. 2011: Sulla i elity (iz noveyshey literatury) [Sulla and Elites (from Recent Literature)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 194–203.
- Короленков, А.В., Смыков, Е.В. Сулла и элиты (из новейшей литературы). ВДИ 2, 194–203.
- Mezheritsky, Ja.Ju. 1994: “*Respublikanskaya monarkhiya*”: *metamorfozy ideologii i politiki imperatora Avgusta* [“The Republican Monarchy”: the Metamorphoses of Ideology and Policy of Emperor Augustus]. Moscow–Kaluga.
- Межеричский, Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Москва–Калуга.
- Münzer, F. 1910: Furius (44). In: *RE*. Hlbd 13, 324–348.
- Noble, F.M. 2014: *Sulla and the Gods. Religion, Politics, and Propaganda in the Autobiography of Lucius Cornelius Sulla*. Diss. Ph.D. Newcastle.
- Östenberg I. 2009: *Staging the World. Spoils, Captives, and Representations in the Roman Triumphal Procession*. Oxford.
- Raubitschek, A.E. 1951: Sylleia. In: P.R. Coleman-Norton (ed.), *Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allan Chester Johnson*. Princeton, 49–57.
- Rosenberg, A. 1914: Romulus (1). In: *RE*. 2. R. Hlbd. 1, 1074–1104.
- Santangelo, F. 2007: *Sulla, the Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East*. Leiden–Boston.
- Smykov Ye.V. 2010: Triumviry i tribuny: vnutripoliticheskiy kontekst bor'by Krassa za vostochnoe komandovanie [Triumvirs and Tribuns: Internal Background of Crassus' Struggle for Eastern Command]. *Studia historica* X, 89–103.
- Смыков, Е.В. Триумвиры и трибуны: внутривполитический контекст борьбы Красса за восточное командование. *Studia historica*. X, 89–103.
- Sumi, J.S. 2002: Spectacles and Sulla's Public Image. *Historia* 51, 4, 414–432.
- Thein, A.G. 2002: *Sulla's Public Image and the Politics of Civic Renewal*. Diss. Ph.D. Philadelphia.
- Wiseman, T.P. 2000: The Games of Hercules. In: E. Bispham, C. Smith (eds), *Religion in Archaic and Republican Rome*. Edinburgh, 108–114.

Anton V. Korolenkov,

Akademizdatcenter “Nauka”,
Moscow, Russia

sallust@list.ru

Evgeny V. Smykov,

National Research Saratov State University,
Saratov, Russia

smykov61@list.ru

А.В. Короленков,

кандидат исторических наук,
Академиздатцентр «Наука»,
Москва, Россия

Е.В. Смыков,

кандидат исторических наук, доцент,
Саратовский национальный исследовательский государствен-
ственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия